

УЛЬРИХ ШМИД

ПТИЦЫ

Крылатые
чудеса природы

С иллюстрациями
Пасхалиса Дугалиса

Содержание

Введение

Птицы

Черный дрозд

Лазоревка

Зяблик

Зимородок

Сорока

Полевой жаворонок

Пеночка-весничка и пеночка-теньковка

Желтоголовый амазон

Зеленый дятел

Горихвостка-чернушка

Домовый воробей

Чибис

Большой баклан

Серый журавль

Кукушка

Черноголовая славка

Южный соловей

Нильский гусь

Черная ворона

Деревенская ласточка

Зарянка

Красный коршун

Ястреб-перепелятник

Обыкновенный скворец

Кряква

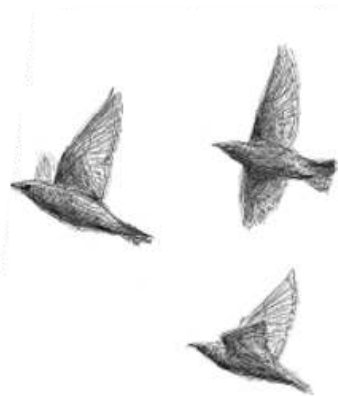
Сизый голубь (домашний)

[Археоптерикс](#)
[Коростель](#)
[Серая неясыть](#)
[Сапсан](#)
[Белый аист](#)
[Крапивник](#)

[Библиография](#)

[Об авторе и иллюстраторе](#)

УЛЬРИХ ШМИД

ПТИЦЫ

Крылатые
чудеса природы

С иллюстрациями
Пасхалиса Дугалиса

Колibri
МОСКВА

Ulrich Schmid
VÖGEL: Zwischen Himmel und Erde

Перевод с немецкого Марии Гескиной

Научный редактор Анна Золотарева, орнитолог (ЗИН РАН)

Шмид У.

Птицы : Крылатые чудеса природы / Ульрих Шмид ; [пер. с нем. М. Гескиной]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021.

ISBN 978-5-389-20365-5

16+

Птицы завораживают людей не только из-за мечты о полетах и нашей тяги к свободе, но и благодаря способности видеть то, что не улавливает глаз человека, своему яркому оперению, удивительному искусству пения и стремительным пируэтам в воздухе. Птицы с давних времен упоминаются в сказках, сагах и баснях, становятся героями народных примет, вдохновляют ученых и творцов. Мы встречаем и слышим их повсюду — в бетонных джунглях больших городов и в первозданной сельве, в загородных садах и на морских курортах. Орнитолог Ульрих Шмид рассказывает о 32 видах птиц — как редких и малоизвестных, так и широко распространенных. Он пишет об их перьях и окрасе, перелетах и миграциях, токовании и высиживании птенцов, зрении и слухе, а также о способности к адаптации.

© Franckh-Kosmos Verlags-GmbH & Co. KG, Stuttgart, 2018

© Paschalis Dougalis, illustrations

© Гескина М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

Я провожаю взглядом птичьи стаи...

Георг Тракль (пер. В. Надеждина)

Птицы завораживают людей. Они трогают за душу и берегут воображение, в равной степени вдохновляя творцов и исследователей. Птицы окружают нас повсюду. Мы видим их в бетонных джунглях больших городов и в первозданной сельве, в собственном саду и на курорте у моря. А если и не видим, то слышим. Каждому знаком голос кукушки (хотя мало кому удастся ее разглядеть). Ее пение доносится до нас и из детских песенок, и из знаменитой Шестой симфонии Людвига ван Бетховена. Летом 1807 года композитор искал вдохновения на берегу речушки Шрейбербах в окрестностях Вены:

*Здесь я написал сцену у ручья, и вместе со мной ее
творили овсянки, перепела, соловьи и кукушки у
меня над головой.*

Ничуть не меньше, чем птичьи трели, нас вдохновляет яркое оперение. Ближайшие родственники человека, млекопитающие, в этом смысле обычно довольно невыразительны. Это связано с тем, что окрас в мире животных прежде всего служит для коммуникации, а способность различать цвета почти у всех млекопитающих весьма ограничена. Какой смысл быть пестрым, если твой оппонент этого не видит? Так что при общении млекопитающие делают ставку больше на нюх, а не на глаза. Исключение составляют многие приматы, в том числе и человек — по счастью, мы видим мир разноцветным, иначе наша жизнь стала бы гораздо беднее. Но, должно быть, птицы глядят на нас с таким же сочувствием, с каким мы — на большинство других млекопитающих. Помимо воспринимаемого нами

спектра, птицы также видят незримое для нас ультрафиолетовое излучение. Поэтому и сами они пестрые: цвета используются, когда есть кому их различать. Цветная реклама действует гораздо сильнее. Вот почему многие самцы у птиц разодеты в пух и прах, а некоторые еще и устраивают чрезвычайно эффектные выступления в брачную пору.

Птицы, как и люди, «визуалы», а следовательно, по большей части активны днем — это еще одна причина, почему наши пути так часто пересекаются. То, что мы с вами больше не просыпаемся и не ложимся одновременно с курами — результат технического прогресса, который позволил нам пользоваться зрением и по ночам. Но в случае перебоев с электроэнергией тут же становится очевидно, насколько плохо мы приспособлены к жизни в темноте и что ночью нам вообще-то полагается спать.

Если бы у меня было три желания, первым делом я бы загадал способность видеть как птица. А потом — летать как птица.

Мечта о полете, вечная тоска по небу. Аисты и грифы, способные часами парить без единого взмаха крыльев, сапсаны, которые в пикирующем полете дадут фору любому пилоту «Формулы-1», горные гуси, взбирающиеся сверху на самые высокие вершины Гималаев, летающие беззвучно совы — даже если не говорить об этих исключительных талантах, «самый обычный» птичий полет все равно вызывает изумление и восхищение. Подражать ему бессмысленно, хотя с древнейших времен люди то и дело пытаются это делать. В мифологии это были Дедал и Икар, которые пытались сбежать из плена на Крите при помощи крыльев из птичьих перьев. Научная попытка подражания полету была описана Леонардо да Винчи в «Кодексе о полете птиц» (Codice sul volo degli uccelli) 1505 года. Ассистент Леонардо в ходе испытаний переломал себе кости и при

этом еще легко отделался, в отличие от многих пионеров воздухоплавания, которые погибли, пытаясь подражать птицам. С тех пор люди научились достаточно безопасно планировать по воздуху при помощи различных приспособлений, например парашюта, но по-настоящему летать, как птица, человек не сможет никогда.

Птицы во многих отношениях отлично приспособлены к полету. Однако это налагает на них и определенные ограничения. Вспомнить хотя бы обо всем том, что люди (да и другие млекопитающие) делают руками (или лапами). Впрочем, птицы сумели компенсировать этот недостаток. Клюв — их чудесный многофункциональный инструмент, чтобы добывать пищу и ухаживать за оперением.

Для полета нужно много энергии. «Боинг-747» расходует около 13 000 литров керосина в час, объем его топливных баков составляет примерно 200 кубических метров. У птиц «баком» для дальних перелетов служат жировые депо, расположенные рядом с летательными мышцами. Обратная сторона медали: если хочешь тратить в полете поменьше энергии, нужно быть как можно легче. В частности, птицы не могут накапливать значительные жировые запасы, как это делают некоторые млекопитающие, скажем, наращивая жир на зиму. Поэтому птицам нельзя позволять себе большие перерывы между приемами пищи и они вынуждены почти постоянно быть активными — еще одна причина, по которой за ними наблюдать гораздо проще, чем за большинством животных. Особенно легко это делать в саду с кормушкой, куда пернатые прилетают удовлетворить потребность в энергии.

Именно в саду начинали свою карьеру многие ученые. Когда наблюдаешь, приходят вопросы. Например, самый очевидный вопрос у зимней кормушки: куда подевались летние птицы? Просто невероятно, каких успехов

удалось здесь достичь исследователям. Иммануил Кант (1724–1804), великий философ, который также оставил многочисленные труды по естествознанию и географии, совершенно верно отмечает в одной из работ в главе «О зимовке птиц»: «Принято считать, что в теплые страны на зиму улетают те птицы, которые не могут найти достаточно корма в северном климате». Но уже парой строк ниже мыслитель возвращается к донаучным убеждениям: «Большинство птиц на зиму укрываются в земле и живут без еды, как барсуки или муравьи. Ласточки прячутся в воду. Аистов, гусей, уток и им подобных порой находили в Польше и других странах по отдаленным оврагам и незамерзающим болотам. А в Пруссии однажды зимой из Балтийского моря выловили аиста, который ожил, оказавшись в доме».

Спустя 250 лет в Интернете можно следить за тем, как аисты, орлы или кукушки летят зимовать в Африку. Закрепленные на птицах передатчики сообщают об их местоположении с идеальной точностью. Нам также постепенно удастся разгадать секреты их ориентации и навигации во время дальнего пути (пусть еще далеко не все).

Не теряют ли птицы в наших глазах свое очарование из-за таких научных данных? Не думаю. Скорее как раз наоборот: они кажутся еще более удивительными. Чем больше мы знаем о птицах, тем больше восхищаемся их невероятными способностями, жизненными стратегиями и эволюционными приспособлениями.

Наука о птицах неразрывно связана с именами таких исследователей, как Иоганн Маттеус Бехштейн (1757–1822) и Иоганн Фридрих Науман (1780–1857), авторов многотомных трудов по естествознанию и орнитологии. Уже в начале XIX века они переводят в разряд мифов и легенд представления вроде тех, которые излагает

Иммануил Кант.

Здесь собраны портреты 32 видов птиц. Среди них есть птицы редкие и широко распространенные, приметные и осторожные, те, что считаются ценными, и те, что снискали славу «проблемных», старожилы и недавние переселенцы. Конечно, в каждой главе в первую очередь повествуется о соответствующем виде. Но вместе они складываются в рассказ о биологии птиц в целом: о перьях и окрасе, перелетах и миграциях, токовании и высиживании птенцов, зрении и слухе и психологии семейной жизни.

При этом две темы для меня особенно важны. Одну из них весьма удачно обозначил биолог Феодосий Добржанский: «В биологии ничто не имеет смысла, если не рассматривать это с точки зрения эволюции»¹. Многие истории, которые я расскажу, связаны с темой эволюции как в целом, так и в деталях, речь в них идет об адаптации, изменениях и о том, как птицам удается оставлять потомство и тем самым гарантировать успешное выживание вида. Это тесно связано со второй темой: резким сокращением видов птиц в условиях очень быстро меняющейся окружающей среды. В 1962 году американская исследовательница Рейчел Карсон взволновала читателей по всему свету бестселлером «Безмолвная весна», книгой, которая стала сигнальным огнем и бикфордовым шнуром для всемирного движения в защиту окружающей среды. Многое, о чем она тогда предупреждала, с тех пор превратилось в реальность. Весна пока еще не безмолвна, но стала гораздо тише. Там, где раньше над полями порхали десятки жаворонков, сегодня остались единицы. Птичье многоголосье оскудело, а некоторые голоса умолкли навсегда. Причины этого очевидны, не хватает действий. Слишком поздно? Не будем отчаиваться — в этой книге вы в том числе найдете описания успешных зеленых инициатив, которые наглядно демонстрируют,

что все возможно. Птицы точно того стоят.

¹ Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution — название доклада Ф. Добржанского 1973 г., на русский язык обычно переводят как «Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции». — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.*

ЧЕРНЫЙ ДРОЗД

Turdus merula

Эта птица может обитать в любой местности, где есть леса с плотным подлеском, не важно, лиственные или хвойные, а также какие в них почвы, болотистые или же, наоборот, каменистые. Особенно любит лиственные леса с густым подлеском и высокими колючими кустарниками, произрастающие вблизи рек, или же чащи наподобие молодых хвойных лесов Шварцвальда... Это умная, осторожная и очень недоверчивая птица. Она всегда начеку, ни одна угроза не ускользнет от ее внимания, даже в ночные часы. Птица стремительно исчезает с пронзительным криком... Чаще всего ее можно увидеть в глухих зарослях, если же она попадется вам на глаза где-то на открытом пространстве, над лесной поляной или любым другим не поросшим деревьями участком, то по тому, в какой спешке она будет преодолевать небольшое расстояние до леса, вы сразу поймете, как она напугана.

И не догадаешься, что под этой чрезвычайно пугливой птицей имеется в виду дрозд, которого сегодня можно встретить в любом саду и который относится к самым частым видам птиц в селах и городах наряду с сизым голубем и домовым воробьем. 200 лет назад все было совсем иначе. Прекрасная песня черного дрозда, столь же громкая, сколь и мелодичная, звучала только в лесу и доносилась с «наблюдательного пункта» высоко в кронах деревьев, а не с конька крыши или с фонаря.

Когда Иоганн Фридрих Науман в 1822 году написал приведенные ранее строки в «Естественной истории птиц Германии», изменения как раз только-только стали намечаться. Около 1820 года впервые нашли кладку яиц черного дрозда в черте города, в Бамберге. В 1850 году — в Штутгарте и Франкфурте. Вскоре дрозды стали обычным явлением во многих городах Германии, а чуть позже начали встречаться и в деревнях. Сегодня черный дрозд встречается в Германии повсеместно, по всей стране насчитывается от 7,34 до 8,9 миллиона его гнездовых участков, так что здесь он, лишь немного уступая зяблику, занимает второе место по распространению среди гнездящихся птиц.

Из деревни в город

Гнезда черных дроздов, сложенные из мелких веточек и соломинок, вымазанные глиной и затем отполированные, можно обнаружить в самых неожиданных местах. Их находят даже на фонарных столбах, передвижных кранах, железнодорожных вагонах и под капотами автомобилей. Излюбленные места гнездования — увитые плющом фасады и вечнозеленые кустарники. Также пользуются популярностью карнизы и ниши зданий. Гнездо дрозда прямо на балконе в паре метров от столика — не редкость. И даже если на балконе бываетлюдно, самка упорно сидит на яйцах.

Мало какая птица ведет себя столь бесстрашно и невозмутимо. Но как же пугливая лесная пичуга превратилась в неустрашимого городского жителя?

Это вопрос, который остро волнует орнитологов, но на который они никак не найдут убедительного ответа. Где тот «тумблер», переключение которого так изменило характер птицы, что она внезапно отправилась искать

счастья в городе (причем вполне успешно)? Когда изменения уже идут, мы можем проследить за ними, но вот зафиксировать их начало бывает очень непросто.

Впрочем, как бы то ни было, переселение дроздов в города — это история успеха. И она дает орнитологам богатый материал для размышлений и исследований. А так как пугливые черные дрозды в лесу по-прежнему встречаются, можно провести необходимые сопоставления, чтобы разобраться, что же делает город таким привлекательным для данного вида.

Больше потомства горожанам

Давайте начнем с потомства, важнейшего фактора эволюционного успеха. Успешен тот, кто передаст как можно больше генов следующим поколениям. И тут у городских черных дроздов есть все основания задирать нос (а вернее, клюв). В середине марта, когда в лесу эти птицы только начинают откладывать яйца, их городские

коллеги уже давным-давно при деле. Они строят гнезда уже в феврале² и за год успевают вырастить три, а то и четыре выводка. Лесные дрозды, как правило, откладывают яйца два раза в год. То есть горожане производят больше потомства. Но решающее значение, конечно, имеет не то, сколько вылупляется птенцов, а сколько из них выживают и в свою очередь обзаводятся потомством.

Города для птиц — территория повышенной опасности. Молодые дрозды покидают гнезда раньше, чем становятся на крыло. Они сидят на земле и пронзительно пищат, сообщая о своем местоположении родителям, которые торопятся к ним с едой. К сожалению, их писк слышат не только родители. Для кошки молодой дрозд — легкая добыча и лакомый кусочек. Учитывая, что кошек в Германии около семи миллионов, они представляют для птиц серьезную угрозу. Кроме того, птицы часто разбиваются о стекла и попадают под машины. Помимо молодых особей, регулярно гибнут самцы: по весне во время строительства гнезд, защищая свою территорию, они, опьянев от гормонов, сломя голову носятся над проезжей частью. Некоторым везет успешно пережить столкновение, но в Вене более, чем у половины обследованных пострадавших на дороге (и впоследствии выздоровевших) дроздов обнаружили переломы. Птицам повнимательнее удастся избежать аварий. Дрозды и другие птицы на скоростных магистралях улетают при приближении автомобиля быстрее, чем там, где машины ездят медленно, причем это не зависит, собственно, от скорости приближающегося авто. Птицы ориентируются на опыт, связанный с конкретным местом.

Городской комфорт: сытость и безопасность

Все это — опасности, но в городской жизни есть и преимущества. Разорители гнезд обычно стараются держаться подальше от людей и в населенном пункте нападают на гнезда реже, чем в лесу. К тому же в городе для всеядной птицы вдоволь пищи. Черный дрозд относится к тем немногим птицам, которые ценят стриженные газоны, где проще добраться до червей. Частенько дрозды следуют по пятам за человеком с газонокосилкой. В садах, парках и скверах можно найти всевозможные плоды, от вишни и бузины до ягод плюща.

Для городов характерна высокая плотность населения. Это относится как к людям, так и к птицам. В лесу на одном квадратном километре, как правило, гнездится от 10 до 30 пар дроздов. Плотность гнездования (опять же, как и у людей) растет от леса к деревне, затем к поселку и пригородам с небольшими садовыми участками при домах, и выше всего она в городских парках, скверах и на городских кладбищах. Там на десяти гектарах может располагаться до 50 гнезд, это 500 гнезд на квадратный километр.

Наконец, условия зимовки в городе, похоже, лучше лесных. По крайней мере, поголовье дроздов зимой, когда нет необходимости защищать территорию, здесь значительно больше, чем в период высиживания яиц. Городские птицы по большей части оседлые, в то время как многие лесные дрозды покидают места гнездования и на зиму отправляются либо в города, либо (чаще) в более южные регионы.

Городской воздух свободы

В общем и целом, причин переселиться в город немало. Но ведь и город меняет своих жителей. Он никогда не спит, он шумный, и в нем не бывает по-настоящему темно. В биологии восход и закат — важные индикаторы

времени. По ним настраиваются внутренние часы, которые идут внутри каждого живого существа и определяют его суточный биоритм. Внутренние часы отмеряют время не с такой точностью, как кварцевые, их нужно подстраивать каждый день.

В то время как сельские дрозды просыпаются и отправляются на покой вместе с курами (то есть с восходом и закатом), городские просыпаются раньше, а засыпают позже. Конечно, они подыскивают себе места потемнее и не устраиваются на ночевку прямо под уличным фонарем, но света в городе достаточно, чтобы весной эти птицы здесь на целый месяц раньше переходили в режим размножения (ученые определяют этот момент по увеличению семенников и росту уровня тестостерона в организме дрозда) и начинали с утра петь на час раньше, чем их лесные собратья. Чтобы его было легче расслышать, несмотря на городской шум, голос дрозда в городе звучит выше, чем в равнинной сельской местности. На высоких частотах птицы поют громче и их лучше слышно.

Человек в городе живет более активной жизнью, но и испытывает стресс. А что происходит с дроздами? Это можно определить, помещая птиц в лаборатории в стрессовые условия, а затем измеряя в их крови уровень гормона стресса кортикостерона. В результате такого исследования у молодых дроздов не было установлено существенной разницы в уровне гормонов стресса между городскими и лесными птицами, в то время как старшие и более опытные городские дрозды реагировали на стресс гораздо спокойнее, чем лесные.

Мерло — сорт винограда с особенно темными ягодами. До сих пор идут споры о том, был ли виноград назван в честь дрозда (по-французски le merle), потому что сами ягоды черные, или же потому, что эти птицы очень их любят.

При таком количестве различий возникает

естественный вопрос: не пример ли это эволюции, которая происходит у нас на глазах? Остается ли городской черный дрозд генетически той же птицей, которой он был 200 лет назад, до того как отправился покорять города? Пока можно делать предположения о появлении различий, но твердых доказательств нет.

Оранжевый клюв — секрет красоты

«Клюв и круги вокруг глаз весной горят одним и тем же ярко-желтым, почти оранжевым цветом и красиво выделяются на фоне угольно-черного оперения» — так описывает расцветку самца черного дрозда Науман, которого она явно впечатляла. Собственно, эта расцветка и призвана впечатлять, правда, не орнитологов, а самок. Самки черного дрозда предпочитают самцов с оранжевыми клювами. Желтый цвет видится им менее привлекательным. Почему? За расцветку клюва отвечают каротиноиды (к этой группе веществ также относятся пигменты, придающие оранжевый цвет моркови). Они играют важную роль для иммунной защиты, связывая образующиеся в процессе иммунной реакции свободные радикалы, которые могут повредить клетки. Если птица заболевает, например оказывается заражена паразитами, организм отзывает каротиноиды из клюва, ведь теперь они нужны для борьбы с болезнью. Клюв бледнеет, а самка смотрит на самца уже скептически.

Дрозды-самцы тоже реагируют на ярко-оранжевый клюв — он, как правило, принадлежит сопернику, которого нужно атаковать и прогнать. При этом птицы не очень разборчивы: крокусы того же желтого цвета тоже вызывают у дроздов острую неприязнь, и те безжалостно уничтожают их.

Цвет клюва отчетливо говорит самке о состоянии здоровья кандидата. Ведь для того, чтобы успешно

вывести потомство, партнер должен быть в хорошей форме. И действительно, у самок, выбравших самцов с ярко-оранжевыми клювами, появляется больше птенцов, а это, как мы помним, мерило успеха.

Настройка под настроение

У черного дрозда большой певческий талант. Громкие, похожие на звук флейты свистящие ноты, предваряющие отдельные пассажи, у каждой птицы свои. Уже в конце зимы эти звуки радуют тех, кто выходит из дома в предрассветных сумерках, например разносчиков газет. Днем пение часто становится менее мелодичным: «Перебранка мечущихся по саду дроздов — полная противоположность их безупречно стройному, порой почти торжественному пению», — заметил более 100 лет назад специалист по птичьему пению Альвин Фойгт. У черных дроздов интереснейший и богатейший репертуар для разных ситуаций. Выучить кое-что из их языка не составит труда. Взволнованные или неуверенные дрозды часто повторяют простое «так-так-так». Когда птица заметила врага на земле, эти звуки превращаются в резкое «тикс». Если вы слышали что-то подобное, скорее всего, по саду крадется кошка. Вблизи гнезда частоты повышаются, а если кошка устроит себе где-то здесь сиесту, дрозд уже не сможет успокоиться. Совсем по-другому птица реагирует на опасность с воздуха, например на появление хищной птицы. Тогда раздается высокое напряженное «ззззии!».

² Сроки гнездования и начала размножения в книге приведены для Германии. В европейской части России все события происходят позже. — *Прим. науч. ред.*

ЛАЗОРЕВКА

Cyanistes caeruleus

Узнать лазоревку проще простого: ни у одной другой птицы в Центральной Европе вы не найдете такого характерного сочетания желтого с разнообразными оттенками синего. Особенно выделяется окраска головы с интенсивно голубой шапочкой и тонкой черной подводкой глаз, которая идет от изящного клюва до спинки в яркую черно-синюю полосу. Молодые птицы внешне сильно отличаются: у них более бледная окраска и желтые щечки. А вот самцов от самок почти не отличить, по крайней мере человеку.

Видеть невидимое

И все же было бы ошибкой смотреть на мир исключительно через призму нашего собственного зрения. Зашифрованные в расцветке оперения сигналы предназначены не для человека, а для сородичей птицы. Птичье зрение на самом деле отличается от нашего: пернатые воспринимают невидимое для нас ультрафиолетовое излучение. Про насекомых это было известно уже давно, а вот о птицах — только с 1970-х годов. За прошедшие десятилетия этот факт был доказан для многих сотен видов. В 1998 году очередь дошла до лазоревки, и появилась научная статья под заголовком «Лазоревки — ультрафиолетовые синицы» (Blue tits are ultraviolet tits), которая вызвала определенный ажиотаж среди исследователей данной темы.

Действительно, многие части оперения лазоревок отражают ультрафиолетовое излучение, и в этом самцы существенно отличаются от самок. Если есть из кого выбирать, самок привлекают самцы с наиболее интенсивно отражающим ультрафиолет оперением. А поскольку у лазоревок (как и у большинства птиц в целом) выбор партнера остается за самкой, это очевидным образом влияет на шансы самца на рынке женихов.

И все же дело здесь не в «красоте». Эволюционные биологи считают, что эти сигналы в первую очередь отражают качество самца, его прекрасную физическую форму. Спариться с таким самцом — существенный плюс в копилку репродуктивного успеха, а ведь вокруг него все и крутится. И все же у лазоревок, похоже, все устроено не так просто, как может показаться на первый взгляд, по крайней мере, они далеко не всегда ведут себя предсказуемо. Некоторые наблюдения говорят о том, что самки предпочитают более зрелых (а значит, более опытных) самцов, даже если их клювы не настолько ярко окрашены, как у молодых соперников.

Социальная моногамия, возможны связи на стороне

В принципе лазоревки моногамны, по крайней мере, пара сохраняется в течение брачного периода, но нередко и на более продолжительный срок. Впрочем, как мы знаем по людям, это совершенно не исключает измен. С этой точки зрения лазоревки похожи на нас — социально моногамны, но приключениям вовсе не чужды. В результате исследования, которое длилось более четырех лет, обнаружилось, что в 30–50% гнезд рядом с яйцами «супругов» также лежат яйца, появившиеся в результате связи на стороне у самки. Около 10% потомства были от другого отца. У этих